

К ИСТОРИИ САТИРИКО-ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ЧУДАК»

А. БАРШТЕЙН

Главная задача данной статьи — воссоздать облик одного из интересных сатирико-юмористических изданий 20-х годов — журнала «Чудак»; рассказать об истории его возникновения и развития; раскрыть тот романтический смысл, который скрыт в самом названии и пронизывает все его содержание; осветить общественно-политическую и идейно-тематическую направленность журнала, его специфику, охарактеризовать отделы и многообразие жанров, используемых в них, определить тот вклад, который вносили крупнейшие сатирики-чудаковцы, и выявить роль журнала в создании многообразия форм, приемов и средств комического.

20-е годы, по образному выражению А. Н. Толстого, можно назвать «грибным летом», которое оказалось особенно плодотворным для сатирико-юмористической журналистики. Достаточно вспомнить, что в эти годы издавалось до 230 такого рода журналов, в том числе в Москве и Ленинграде свыше 20. Некоторые из них возникли и тут же закрывались («Бов», 1921), другие, сливаясь с иными журналами, прекращали существование («Дрезина», «Смехач», «Чудак»). Самым долговечным журналом оказался «Крокодил», начавший свое существование в 1922 г.

Советская сатирико-юмористическая литература 20-х годов росла и развивалась на основе русских классических традиций, традиций передовой революционной журналистики первых лет советской власти. Однако нельзя не отметить и влияния буржуазной сатирико-юмористической журналистики, основное содержание которой сводилось к «смеху ради смеха». К таким журналам, нередко печатавшим совершенно беззубые вещи, не представляющие ни идейной, ни художественной ценности, можно отнести «Смехач» и «Бегемот». Сатириконские традиции, бытовавшие в нашей юмористической литературе 20-х годов, часто шли вразрез с теми задачами, которые ставила перед сатирой партия. Вот почему на состоявшемся в 1927 году совещании в отделе печати ЦК, где обсуждался вопрос о сатирико-юмористической прессе и ее задачах, выступавшие (Селиванов, Межеричер, Урицкий, Ингулов, Рыклин, Кольцов и др.) не только отмечали те новые положительные качества, которые приобрели журналы сатиры и юмора в советское время, но и указывали на целый ряд серьезных недочетов. Отмечалось, в частности, что на страницах того или иного журнала не всегда находит отражение классовая борьба, мало внимания уделяется критике буржуазной идеологии, национализма, шовинизма и других отрицательных явлений общественной жизни. Хотя формально существовала определенная дифференциация, и она была закреплена в заголовках журналов (например, «Смехач» — предназначался

для железнодорожников), но кроме «Крокодила» и «Ляптя», журналы забывали об интересах и характере своего читателя, теряли свое лицо. Поэтому справедливым был упрек, сделанный на совещании в ЦК, касающийся однотипности некоторых изданий. В постановлении отдела печати ЦК «О сатирико-юмористических журналах» от 1927 года указывалось, прежде всего, на то, что «сеть сатирико-юмористических журналов не дифференцирована». Было решено углубить дифференциацию в зависимости от определенных читательских групп (журналы, ориентированные на политически зрелые слои рабочих, на широкие слои членов и работников профсоюза, на служащих, на передовые слои крестьянства).

Предпринимаемая еще одно сатирико-юмористическое издание — журнал «Чудак» — коллектив авторов ориентировался на вкусы интеллигенции и служащих. Возникает вопрос, что побудило М. Кольцова и его сотрудников создать еще один журнал?

Соглашаясь с мнением Г. Скороходова о том, что в большинстве своем существующие журналы были малосодержательны и часто далеко не остроумны, и поэтому М. Кольцов предпринял новое издание, мы, однако, не можем считать это главной причиной выхода «Чудака». Дело не только в индивидуальном желании М. Кольцова. Причины более глубокие. Прежде всего, читатель становился взыскательней, его вкусы уже не могли удовлетворять голое смехачество и анекдотизм. Необходимы были и новое содержание, и новые формы подачи материала. Журнал должен был быть идейным, остроумным, гневным и веселым, непримиримым ко всем видам нового мешанства, бюрократизма, а также разносторонним. Жизнь требовала сатирического освещения недостатков в области литературы и искусства. Вот почему одновременно с разнообразными социально-политическими и житейскими темами, находящимися в поле зрения «Чудака», были введены специальные отделы, связанные с литературой и искусством («Рычи-читай», «Деньги обратно!» «Стрельба стихами», «Уголок изящной словесности» и др.).

Не случайно уже в 5 номере журнала печатается стихотворение-декларация В. Маяковского «Мрачное о юмористах», в котором перед сатириками ставится конкретная задача: «жалю вынуть» против всех, кто зря сидят на труде, на коммунизме.

«Чтоб не скрылись,
 хвост упрятав,
крупных
 вылови налимов —
кулаков
 и бюрократов,
дураков
 и подхалимов».

И дается уничтожающая оценка сатирикам-халтурщикам, которые

«пару
 анекдотов гадких
ткнул —
 и снова пустота!»¹.

Итак, появление журнала «Чудак» обуславливается двумя главными причинами:

1. Необходимостью иметь журнал, который мог бы удовлетворить вкусы растущей советской интеллигенции и критически осветить все недочеты культурной жизни.

¹ «Чудак», 1929, № 5, стр. 10—11.

2. Запросы крупных мастеров сатиры были значительно выше возможностей некоторых журналов, которые издавались в то время. Творческий рост писателей-сатириков требовал более широкого поля деятельности. Нужен был журнал, в котором ярче могли бы развернуться их самобытные дарования.

Об общих задачах журнала, о том, для кого он предназначался, и о подтексте в названии журнала можно узнать из письма М. Кольцова А. М. Горькому. «Мы убеждены, — пишет М. Кольцов, — что в СССР, вопреки разговорам о «казенной печати», может существовать хороший сатирический журнал, громящий бюрократизм, подхалимство, мешанство, двойственность в отношении к окружающей обстановке, активное и пассивное вредительство. (Журнал предназначается для интеллигенции и служащих.)

Название «Чудак» взято не случайно. . . . Мы окрашиваем пренебрежительную кличку в тона романтизма и бодрости. «Чудак» представляет не желчную сатиру, он полнокровен, весел, здоров, хотя часто гневен и вспыльчив. «Чудак» не принципиальный ругатель, наоборот, он драчливо защищает многих, несправедливо заруганных при общем попустительстве, он охотно обращает свое колючее перо против присяжных скептиков и нытиков. Иными словами, «Чудак», как Горький, играет на повышении. Вот, в самых общих чертах, основное умонастроение редакции².

Борис Ефимов вспоминает, что В. В. Маяковский, который был частым гостем в редакции «Чудака», настаивал на этом названии, хотя все кругом были против³.

В ноябре 1928 г. в различных газетах («Правда», «Рабочая Москва», «Вечерняя Москва») появились интригующие вопросы: «Кто Чудак? Где Чудак?» Через некоторое время пришел ответ: «Чудак» — веселый, литературно-сатирический, художественный, обильно иллюстрированный, многокрасочный журнал⁴. А рядом печаталось рекламное объявление, где Дноген, Христофор Колумб, Исаак Ньютон и Карл Маркс были названы Чудаками. Но нашлись «защитники» К. Маркса, шокированные тем, что он назван чудаком. Это послужило материалом для фельетона М. Кольцова «О ханжах», которым и открывается первый номер «Чудака». «. . . Гр. Львович не чудак. Америк не открывает, чем резко отличается от Колумба. Гр. Львович не чудак. Своею излишней защитой Маркса он «Капитала» себе не наживет»⁵.

Своеобразная декларация журнала печаталась в «Смехаче» (1928, № 45). «Вот он, советский чудак, бодро выходящий на дорогу к огорчению мешан, обывателей, бюрократов, активных и пассивных вредителей нашей советской жизни на радость всем честным труженикам, желающим работать бодро, с улыбкой»⁶. А в 48-м номере «Смехача» помещено »Прощание «Смехача» со своими читателями.

Чудак, в понимании создателей журнала, — это человек, возвысившийся над мешанскими предрассудками, высмеивающий людей, мешающих прогрессу: бюрократов, ханжей, напыщенных и самовлюбленных дураков, это «чудодей», способный, как писал А. М. Горький, «творить чудеса, невзирая на сопротивление действительности»⁷. Нет ни одной

² «Новый мир», 1956, № 6, стр. 151.

³ Борис Ефимов, «40 лет записки художника-сатирика». Изд. «Советский художник», М., 1961, стр. 129.

⁴ «Огонек», 1928, № 50.

⁵ «Чудак», 1928, № 1, стр. 2.

⁶ «Смехач», 1928, № 45, стр. 9.

⁷ «Чудак», 1928, № 1, стр. 3.

стороны действительности, которой бы не касался такой человек, в которую он бы активно не вмешивался. Из номера в номер мы встречаемся с такими чудаками в различных отделах журнала. Само слово наполняется «романтически приподнятым смыслом». В 8-м номере журнала за 1929 год в фельетоне «О шапках» М. Кольцов пишет: «Да, мы рассуждаем, как чудаки. Мы не верим ни в какое «шапками закидаем». Мы верим в Красную Армию»... В специальном номере, посвященном Чехову, М. Кольцов называет скромность Чехова «чудаковатой», а самого Чехова «великим чудачком своей эпохи» (1929 г. № 25); в номере, посвященном вечной молодости, революционеры, «упорные и сосредоточенные в достижении своей цели люди», названы чудаками: «а они, вечно юные чудаки, упрямо и не оглядываясь по сторонам, шагают по одной, единственно верной, хотя и самой трудной по препятствиям линии» (1929, № 19). Эти юные чудаки, шагающие по самой трудной с препятствиями дороге, напоминают Чудакова — героя комедии В. Маяковского «Баня» и Бориса Петровича Волгина — главного героя пьесы Афиногенова «Чудак».

В одном из номеров «Чудака» помещена рецензия на постановку пьесы А. Афиногенова в Московском Художественном театре: «...Чудак — вольнослушатель, созданный Афиногеновым, может считаться приемлемым»⁸. Чудаки верят в победу социализма, в дело социального строительства. «Чудаки ни в черта не верят, ни в бога, — как говорится, ни в чох, ни в сон, ни в птичий гай, — писал журнал. — Чудаки верят больше в пятилетку, в Турксиб, в Днепрострой, в реальное дело нашего строительства»⁹. И не только верят чудаки в победу социализма, а делают все для этого. Они создают стального чудака, «из металла и электрической энергии», построенного за счет взносов читателей «Чудака». Все эти примеры свидетельствуют о том, что название журнала «Чудак» определяется не только титульным листом, а всем его содержанием.

На страницах журнала печатались самые крупные мастера юмора и сатиры, а также лучшие художники-карикатуристы. Писатели М. Кольцов, И. Ильф, Е. Петров, М. Зощенко, Е. Зозуля, А. Зорич, В. Катаев, В. Ардов, бр. Тур, Г. Рыклин, Б. Левин; поэты В. Маяковский, Д. Бедный, Н. Асеев, А. Жаров; художники Константин Ротов, Ив. Малютин, Курьинксы, Борис Ефимов, Владимир Козлинский, Александр Радаков — вот имена тех, кто составлял единый творческий коллектив «Чудака».

В отличие от «Крокодила», «Смехача», «Бегемота» и др. «Чудак» не имел образа-маски, и формат его был несколько короче других изданий. Много выдумки, таланта и умения вносили чудаковцы в свой журнал. Каждый считал долгом чести предложить что-нибудь остроумное, оригинальное, ценное и важное, отвечающее духу времени.

Журнал практиковал специальные тематические номера: «Специальный церковный номер», «Чеховский номер», «Империалистическая война», «К 10-тилетию Гиза», «О вечной молодости» и др. Фельетонисты, поэты получали специальные задания редакции. Не случайно стихотворение В. Маяковского «Тревога»¹⁰ перекликается с фельетоном М. Кольцова «О пятилетке в 8-м лет», с карикатурами К. Ротова, Б. Ефимова; стихи Д. Бедного «Вражья песня»¹¹ — с фельетоном Кольцова «О пташке» или «Благодать священноиерея» тематически примыкает к фельетону «О некоторых безбожниках»¹².

⁸ «Чудак», 1929, № 47, стр. 11.

⁹ «Чудак», 1928, № 1, стр. 10.

¹⁰ «Чудак», 1928, № 13, стр. 3.

¹¹ «Чудак», 1929, № 14, стр. 3—4.

¹² «Чудак», 1929, № 24, стр. 3.

Журнал «Чудак» оказывал содействие «Стране Советов в борьбе с бюрократизмом, обывательщиной, ханжеством, проявлением беспечности, равнодушия, высокомерия к простым людям, разоблачал эмиграцию, мешанство, халтурщиков в литературе и искусстве. Никогда не забывал во имя чего эта борьба ведется. «Чудак» не только бичевал пороки. Он утверждал новое, светлое, человеческое. В «Чудаке» печатается стихотворение Вл. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

Самые различные средства использует «Чудак» для агитационных целей. Идет подписка на заем, и на 1-й странице мы читаем: «Подписывайтесь на 3-й заем Индустриализации»¹³. В 30-м номере напечатан «Черновик протокола заседания сотрудников редакции журнала «Чудак», где оповещается, что чудаковцы решили подписаться на сумму не менее месячного заработка»¹⁴. «Чудак» публикует подробный отчет заседания сотрудников журнала о решении начать сбор денег на постройку бронемшины «Чудак»¹⁵. «Чудаки должны быть трудолюбивыми как муравьи, мирными, как газели, и злыми, злыми, как барсы. Характер Чудака есть классовый, концентрированный раствор трудолюбия, мира и ненависти», — читаем мы в статье бр. Тур «Стальной чудак»¹⁶.

Итак, в журнале уживались рядом разоблачительные и пафосные материалы, бичующие наши пороки и пропагандирующие ценные начинания.

25 декабря 1928 г. вышел первый номер «Чудака» в издании Акционерного издательского общества «Огонек», тиражом 125 000 экземпляров. В течение 1929 года журнал издавался с ежемесячным приложением «Библиотека Всемирного Юмора», в котором печатались рассказы М. Твэна, Чарльза Диккенса, Джером К. Джерома, Эдгара По, М. Сервантеса и др. В этом же году издавалось приложение «Путешествие чудаков по Европе». В 1930 году выходила «Библиотека Чудака». Существовал журнал 15 месяцев (в 1928 г. вышел один номер; в 1929 г. — №№ 2—50; в 1930 г. — №№ 1—6).

В первом же номере «Чудака» напечатано письмо А. М. Горького М. Кольцову, в котором великий писатель приветствует инициативу молодежи и изъявляет желание сотрудничать в журнале «Чудак». «...Искренне поздравляю Вас, милейший т. Кольцов, с «Чудаком». Считаю Вас одним из талантливейших чудаков Союза Советов, уверен, что под Вашим руководством и при деятельном участии таких же бодрых духом чудодеев, журнал отлично оправдает знаменательное имя свое»¹⁷. А. М. Горький прислал для журнала сказку. Это единственное его сатирическое произведение («Факты»), напечатанное в «Чудаке», весьма знаменательно в том смысле, что оно учило сатириков, используя богатство фактического материала и мастерство сатирического намека, обогащать явления и яркие образы¹⁸.

В нашей критической литературе о журнале «Чудак» сказано чрезвычайно мало. В «Журналисте» за 1929, 1930, 1931, 1932 и 1933 гг. мы лишь один раз находим упоминание о «Чудаке», где говорится об интересной и оригинально проведенной «Чудаком» подписной кампании.

¹³ «Чудак», 1929, № 31, стр. 1.

¹⁴ «Чудак», 1929, № 30, стр. 3.

¹⁵ «Чудак», 1929, № 33, стр. 3.

¹⁶ «Чудак», 1929, № 32, стр. 3.

¹⁷ «Чудак», 1928, № 1, стр. 3.

¹⁸ Подробно см. ст. К. Д. Муратовой, Горький и советская сатира. — «Вопросы советской литературы», том. 5.

В статьях и книгах, появившихся после XX съезда партии, наши литературоведы приступили к изучению этого журнала.

К. Д. Муратова в статье «Горький и советская сатира» (1919—1936)¹⁹ пишет об отношении Горького к замыслу М. Кольцова — создать новый журнал сатиры и юмора и о присланном Горьким сатирическом произведении «Факты» для первого номера «Чудака».

В книге «Советская сатирическая проза 20-х годов» Л. Ф. Ершов дает общий анализ журнала, определяет его место среди других журналов, говорит о связи «Чудака» с традициями передовой сатиры Западной Европы и о том, что журнал «занимал позицию одного из боевых органов советской сатиры и юмора, был подлинно сатирическим еженедельником»²⁰.

А. Вулис в монографии об И. Ильфе и Е. Петрове²¹ называет год издания журнала «Чудак» и характеризует некоторые произведения Ильфа и Петрова, печатавшиеся в «Чудаке». Высокую оценку журналу «Чудак» дает Б. Галанов в книге «Илья Ильф и Е. Петров»²².

Странно, однако, что У. А. Гуральник в очерке о творчестве М. Кольцова, помещенном во 2-м томе «История русской советской литературы»²³, говоря о сотрудничестве М. Кольцова в различных органах партийной и советской печати, совсем не упоминает журнал «Чудак». Лишь несколько страниц уделяет «Чудаку» Г. Скороходов в книге «М. Кольцов»²⁴. (Глава V. «Редактор, издатель, общественный деятель»), хотя и дает правильную оценку этому одному из лучших журналов 20-х годов.

Журнал «Чудак» представляет не только историко-литературный, но и живой, современный интерес. Изучение многообразия жанров и приемов комического, оригинальных форм ведения основных отделов может оказать практическую помощь современной сатирико-юмористической журналистике.

* * *

Время издания сатирико-юмористического журнала «Чудак» совпадает с периодом социалистической индустриализации страны, когда партия провозгласила лозунг: «Лицом к производству!» Сельское хозяйство серьезно отставало. Вот почему XV съезд партии особое внимание уделил перспективам развития сельского хозяйства и принял решение о всемерном развертывании коллективизации. На все эти важнейшие события внутренней жизни журнал откликался средствами сатиры и юмора.

В апреле 1929 г. XVI партконференция обсудила вопрос о принятии первого пятилетнего плана, и на это решение журнал «Чудак» немедленно откликнулся. В том же месяце был выпущен специальный пятнадцатый номер «Пятилетка». Партконференция приняла также постановление о генеральной чистке партии, о развертывании социалистического соревнования, о борьбе с бюрократизмом. Эти решения сразу же находят отражение в «Чудаке». Шестнадцатый номер журнала оформлен рисунком К. Ротова, изображающим тонущего бюрократа; семнадцатый номер начинается фельетоном, разоблачающим «контрамарочников»,

¹⁹ «Вопросы советской литературы», т. 5. Изд. АН СССР, М., 1957.

²⁰ Л. Ф. Ершов, Советская сатирическая проза 20-х годов. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1960, стр. 32.

²¹ А. Вулис, И. Ильф и Е. Петров. Очерк творчества, Гослитиздат, М., 1960.

²² Б. Галанов, Илья Ильф и Е. Петров. Жизнь. Творчество, Советский писатель, М., 1961.

²³ История русской советской литературы, т. II, Изд. ИМЛ.

²⁴ Г. Скороходов, Михаил Кольцов. Критико-биографический очерк... Советский писатель, М., 1959.

засевших в партии; в двадцатом номере критикуются те, кто извращает обращение партии о развертывании соцсоревнования.

Индустриализация страны требовала повышения культуры, всеобщей грамотности. «Чудак» из номера в номер печатает материалы, посвященные этим проблемам. В отделе «Под сенью черных крыльев» подобраны заметки, рассказывающие о положении в наших школах («Чудак» № 15); в фельетоне М. Кольцова «О месте назначения» («Чудак» № 34) речь идет о подготовке кадров в вузах; о необходимости в короткий срок и любимыми средствами покончить с неграмотностью пишет М. Кольцов в фельетоне «Об улыбочках и мандолинах» («Чудак», 1930, № 1).

Ни один сатирико-юмористический журнал 20-х годов не знал такого количества специальных отделов, посвященных вопросам литературы и искусства. В «Чудаке» их было четыре. Кроме этого, издавались специальные номера (Чеховский номер, к 10-тилетию ГИЗ'а) и печатались фельетоны, рассказы на эту тему вне рубрик.

Часто сатиры «Чудака» строились на материалах «Литературной газеты». Так в конце августа—начале сентября 1929 г. в газете были помещены статьи, осуждающие Б. Пильняка и С. Замятина, а в журнале «Чудак» по следам событий (в сентябре же) печатается фельетон М. Кольцова «О двойном подданстве»; 17 июня «Литературная газета» публикует передовую статью «Писатели — на антирелигиозный фронт» — в июне же издается специальный церковный номер «Чудака». В каждом номере газеты за 1929 год публиковалась или реклама о подписке на журнал «Чудак», или содержание номера. Эти факты говорят о близости «Чудака» к «Литературной газете», еще раз подчеркивают специфику журнала, характеризуют его облик, свидетельствуют о его интересе к культурному строительству страны.

«Чудак» верстался по строго определенному типу. Каждый номер начинался отделом «Календарь Чудака», который по месту и назначению можно сравнить с передовицей в газете. За «Календарем» следовали фельетоны, рассказы, стихи, рисунки и карикатуры, главы из печатающихся из номера в номер повестей. За ними — отделы: «Рычи — читай», «Слезай, — приехали», «Сквозь розовые очки», «Веселящий газ», «Деньги обратно!» Завершался журнал отделом «Семейный альбом» или «Говорящее фото». Некоторые отделы временно исчезали, а вместо них появлялись новые.

Отдел «Календарь Чудака» как бы задавал тон всему журналу. Здесь печатались фельетоны М. Кольцова. «Поэтому виньеткой в заголовке этих передовых были очки Кольцова в толстой оправе»²⁵. Большая часть фельетонов посвящалась вопросам международной политики («О советской империи», «О совместительствах», «О мужчинах, которые обманщики», «О джембори, писсуарах и молебнях»). Острее сатиры особенно было направлено против эмигрантских кругов и так называемой буржуазной демократии. Когда эмигрантская печать («Руль», «Возрождение» и др. газеты) особенно оголтело начинает вопить о распродаже «России большевиками», в «Календаре Чудака» печатается фельетон под таким же названием: «Советская власть распродает матушку Русь оптом и в розницу. Украину отдали украинцам, Грузию — грузинам, Казань — татарам, а Царевококшайск — вы подумайте только! — каким-то чувашам»²⁶. О сущности буржуазной демократии, о том, как «народные избранники не узнают своих избирателей, как только выборы

²⁵ В. Ардов. Писатель, редактор, друг. (О Михаиле Кольцове.)

²⁶ «Чудак», 1928, № 30, стр. 2.

кончились», пишет М. Кольцов в фельетоне «О мужичнах, которые обманщики» («Чудак», 1929, № 27). Конкретный факт — предательство профсоюзного лидера Америки некоего Франка Фаррингтона — становится темой фельетона «О совместительствах» («Чудак», 1929, № 12).

Для создания фельетонного образа М. Кольцов использует различные краски сатирической палитры. Вот фельетон-памфлет «О советской империи». Создавая сатирический образ императора Всероссийского Кирилла I, автор использует прием цитирования. Памфлет не имеет ассоциативного зачина, а начинается с обычного изложения факта. Здесь мы сталкиваемся с так называемым документальным юмором. Автор много и часто цитирует, почти ничего не прибавляет от себя, а лишь ставит вопросы. «Как же Кирилл будет бороться с хищническим капиталом? — А очень просто (Отвечает М. Кольцов выдержкой из программы «царя»): «Одним из первых экономических мероприятий будет возвращение промышленных и торговых предприятий их прежним владельцам. . .» Кирилл заканчивает свой манифест так: «Будущей государственной формой России будет Советская империя». «Больше ничего?» — спрашивает автор фельетона. «Ладно, поняли все. Вы свободны, гражданин Романов. . . Кстати, ваше величество, — не забудьте через восемь лет, к 20-летнему юбилею Октябрьской революции опять написать нам что-нибудь веселенькое»²⁷. Так заканчивается памфлет.

Михаил Кольцов «добродушен» по отношению к своему герою. Стоит ли стрелять из пушки по воробью? В заключительном авторском обращении звучит спокойная ирония и издевка.

В отделе «Календарь Чудака», кроме вопросов международной политики, критически освещались и другие стороны жизни. Здесь разоблачаются эмигранты («О пропащих и отыскавшихся»), взяточники («О громких словах и тихих делах»), бюрократы всех мастей («О цитатах», «О некоторых сподвижниках нашей обороны», «О родственниках»), сплетники («Читать шопотом»), люди равнодушные ко всему («О домах, которые бесплатно», «О беспомощно разинутом рте») люди, сидящие в двух креслах («О двойном подданстве»). В фельетоне «О громких словах и тихих делах» о тупости, косности, цинизме героя мы судим по тостам, произнесенным в гостях у купца, куда он явился после собрания. «Наполнив из графина до краев хрустальную рюмочку, он задумчиво скажет: — «Текущие дела». . . Взглянув затем на расprostертую в пышном блюде севрюгу, он грозно прикажет вилкой: — «Изживем примиренческое отношение к ней!» . . . И, наконец, обняв уже нетвердой рукой податливый стан гостеприимной купчихи, закончит коснеющим языком, не встречая никаких протестов со стороны хозяина дома: «А главное, — захватим у частника командные высоты!»²⁸

Или вот советский бюрократ, прикрывающийся ленинскими цитатами. Пришедшего за пособием инвалида он встретит цитатой из произведений Ленина: «С сегодня на завтра ничего не сделаешь» (т. XVIII, стр. 80). Отказывая нижестоящему в увеличении убогого жалования, такой бюрократ скажет: «Лучше меньше да лучше» (т. XVIII, ч. 2, стр. 125)²⁹. Реальный факт заостряется. Так создается комизм преувеличением.

Из поля зрения «Календаря Чудака» не ускользали и производственные вопросы. Так, когда рабочие начинают забывать о режиме экономии — журнал бьет тревогу. Он также порицает тех руководителей,

²⁷ «Чудак», 1929, № 13, стр. 2.

²⁸ «Чудак», 1929, № 23, стр. 2.

²⁹ «Чудак», 1929, № 4, стр. 2.

которые вначале на собраниях кричат: «Превысим! Превзойдем! Опередим! Подыдем! Охватим!...», а в конце квартала уже голосом несравненно более низким: «Слишком размахнулись. Учтите объективные условия... Неполладки... Вопросы не вполне увязаны...» («О пятилетке в восемь лет») ³⁰. Вздошно звучит голос «Календаря Чудака», когда он говорит о скуке, пронизывающей нашу антирелигиозную пропаганду («О некоторых безбожниках», «Чудак», 1929, № 24), или о плетеных кушаках, шапках ямщицких с павлиньими перьями, мисках расписных, которые завозят в деревню торговые организации вместо нужных крестьянину товаров. Клеймит отдел и тех, кто наводит экономию не там, где нужно: «вместо кожи ставят на подошвы картон» и «думают, что этим помогают рабочему классу» ³¹.

Вопросы литературы не остаются вне поля зрения «Календаря Чудака». Достаточно вспомнить такие фельетоны: «О модах», «О фуфайках Пушкина», «О некоторых фокусах с Чеховым» и др. М. Кольцов негодует против тех, кто искажает смысл чеховского творчества, кто приписывает прекрасному писателю черты, ему не свойственные. «Ему, точному, педантичному мастеру стиля, присвоена была репутация сумеречного, зыбкого, полутонного художника. Это сделала критика» ³². Едкая сатира звучит в перечислении тех лекций, которые читаются в юбилейные пушкинские дни: «Любовный быт пушкинской эпохи по запискам лейбгусара Вульфа», «Пушкин, как сексуально-психофизиологический тип в свете современной науки» ³³ («О фуфайках Пушкина»). А сколько сарказма в сатирических эпитетах: «неизданная фуфайка», «неопубликованный жилет», которые сулят вам толпа продавцов!

В отделе печатались не только фельетоны. За фельетоном следовал календарь: обозначалась дата, день и происшедшее событие. Сообщение о случившемся всегда давалось в ироническом обрамлении:

Январь	Родился в 1828 г. писатель Салтыков-Щедрин. Герои его
27	произведений родились гораздо раньше и по милости сов-
воскресенье	ветских бюрократов до сих пор еще не умерли ³⁴ .

Краткий перечень содержания фельетонов «Календаря Чудака» указывает на широту тематики и идейно-политическую значимость. Отдел стремился отобразить непрерывное движение нашей жизни, умел уловить главное в попавшем в орбиту внимания журнала жизненном явлении, умел клеймить все мерзкое, пошлое, оставшееся в наследство от старого мира.

Как бы мы высоко не оценили первый отдел, однако лицо журнала в целом определяли все отделы вместе, а также те фельетоны, рассказы, новеллы, повести, которые печатались вне определенных рубрик, непосредственно за «Календарем». Тематика их была разносторонней.

В. В. Маяковский в одном из своих выступлений сказал, что из бытового мещанства вытекает политическое мещанство. Это хорошо понимал коллектив авторов «Чудака»:

«Мурло мещанина» клеймит В. Катаев в новелле «Жоржик и вещи» («Из летописи нашего переулка»). Чтоб ярче предстала искалеченная душа Шурки, весь смысл жизни которой состоит в приобретении еще одного «канареечного одеяла, еще одного сундука и матраца», автор использует прием повторения. После первого замужества на вопрос

³⁰ «Чудак», 1930, № 18, стр. 2.

³¹ «Чудак», 1929, № 26, стр. 2.

³² «Чудак», 1929, № 4, стр. 2.

³³ «Чудак», 1929, № 22, стр. 2.

³⁴ «Чудак», 1929, № 4, стр. 2.

Жоржа: «Теперь куда же?» — Шурка ответила: «На Сухаревку... Вещи покупать... Куда же?..»³⁵ Так же отвечает героиня и второму мужу. Для Шурки нет ничего более святого, чем вещи. Жажда наживы оказалась выше всего. Эта же мысль звучит в стихотворении М. Светлова «Комод»:

«Широкую
Никкелевую кровать.
И шкаф наш высокий
Жена обожает.
Он только мешает мне
Жить и дышать,
Он только
Мне комнату загромождае^тс...»³⁶,

в стихотворении Татьяны Тэсс «Вещи и мы»:

«Но плохо, когда на нашей дороге
Столы расставляют дубовые ноги...»³⁷

Мещанство бывает различных мастей. Другая страсть одолевает Мармеладова, «бурдюка, наполненного горчицей и хреном», как его называет И. Ильф. Мармеладов по всей квартире развесил объявления: «Мыть в раковине ноги воспрещается», «Стирать белье запрещено», «Сморкаться воспрещается», «Уходя, гасите свет» и т. д. Но вот его переселили в новую, двухкомнатную квартиру. Не для кого больше развешивать объявления. «И бурдюк сразу потускнел... в немой тоске сидит у себя»³⁸.

Журнал «Чудак» выводит на чистую воду бюрократов, подхалимов, безмозглых руководителей, всех тех, от кого партия освобождалась во время чистки.

Немало произведений построено на конкретных фактах, с точным указанием адресов. Председатель горсовета гор. Степанакерт в Азербайджане издал приказ: «Автомобилям въезд в город запрещен!» Когда попытались узнать причину такого строгого распоряжения, то выяснилось, что одному высокопоставленному лицу машины мешают спать (А. Зорич «В город въезжать нельзя»³⁹).

Кроме сатирических произведений, вне отделов печатались рассказы агитационного характера («Стальной Чудак» Бр. Тур), рассказы-размышления («Письмо» Е. Зозули). Е. Зозуля воспекает человека, его красоту. «Кривое, некрасивое лицо того, кто первый зажег во мне неугасимое желание бороться за справедливость, дороже мне всех лиц... Я верю в человека и люблю его...»⁴⁰.

Наряду с фельетонами, рассказами, очерками в «Чудаке» печатается несколько повестей: «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» (№№ 1—10), «1001 день или новая Шахерезада» (№№ 12—22) Ф. Толстоевского (псевдоним И. Ильфа и Е. Петрова); «Чудасия или Мефистофель в столице» (№№ 28—33) бр. Тур; «Проверка знакомых» (№№ 41—46) Е. Зозули. Все эти повести по своей композиции представляли цикл сатирических новелл или рассказов, объединенных

³⁵ «Чудак», 1929, № 2, стр. 6.

³⁶ «Чудак», 1930, № 1, стр. 3.

³⁷ «Чудак», 1929, № 12, стр. 4.

³⁸ «Чудак», 1929, № 9, стр. 10.

³⁹ «Чудак», 1929, № 22, стр. 3.

⁴⁰ «Чудак», 1929, № 26, стр. 6.

одним главным персонажем. Они носили подражательный характер, правда, оперируя преимущественно материалом текущего дня⁴¹.

Обывательщина, ограниченность, непроходимая глупость, дикость и косность — вот те язвы, против которых направлен пафос повести И. Ильфа и Е. Петрова «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска». Жажда наживы толкает колоколамцев на различные авантюры. Доктор Гром во время пребывания в Москве попадает под автомобиль Клятвийского посольства. Как пострадавшему ему выплачивают 120 рублей в месяц. Это стало известно в Колоколамске. «Найденную доктором золотоносную жилу граждане начали разрабатывать с усердием. На отхожий промысел в Москву потянулись все»⁴². Председатель лже-артели мосье Подлинник купил себе у Досифея Взносова пролетарское происхождение. Обороты лже-артели увеличились благодаря этому. Никита Псов нашел «горячий источник», и это принесло прибыль мосье Подлиннику. Связанного Завиткова он предлагает продать. Жадные, желающие любой ценой разбогатеть колоколамцы, одновременно равнодушны ко всему, легковерны и глупы. Город и его обитатели изображены в гротескной форме. Здесь собраны все пороки нэпа. Преследуя цель разоблачить тупость и жадность обитателей Колоколамска, авторы, однако, забыли о тех больших переменах, которые происходили даже в самых отдаленных уголках страны. Создается впечатление, будто Колоколамск отгорожен от всего мира, будто революция там и не ночевала. Колоколамцы живут и ведут себя так же, как жили глуповцы. А нетворческое подражание Салтыкову-Щедрину вело к фальши. Это чувствовали сами авторы. Отсюда их мучительные поиски: ... «Чудак». Мы пишем историю Колоколамска и Шахерезаду. Творческие искания. Мы чувствуем, что надо писать что-то другое. Но что?»⁴³

Основная тема «Новой Шахерезады» — бюрократизм. Перед нами бюрократы различных мастей. Здесь и «незаменимый из незаменимых», совершивший непоправимую ошибку Лавреинов; «скромный и деятельный» Алладинов, воспользовавшийся своим партбилетом, чтоб получить квартиру, и с тех пор предъявлявший свой билет, чтоб «получить то, что хотел получить, и избавляться от того, от чего хотел избавиться». Конец этой новеллы напоминает конец сатирического стихотворения В. Маяковского «Помпадур». Так же, как и милиционера не привел в трепет билет Алладинова, так и сановник не обратил внимание на мандат помпадура. У Ильфа и Петрова мы читаем: «А еще партийный! — сказал бравый милиционер. — Позор, позор, позор!»⁴⁴, а у Маяковского:

«Не пыжьтесь, помпадур!
Другой зарок
дала великая
негнушаяся партия»⁴⁵.

Если Ильф и Петров подражают Салтыкову-Щедрину в своих повестях или стилизуют свои новеллы под арабские сказки, то бр. Тур подражают П. Лесажу, в частности, его роману «Хромой бес». Здесь мы также встречаемся с условными ситуациями, элементами фантастики. Герой повести — Мефистофель прошелся по советским учреждениям

⁴¹ Подробно о сатирической повести смотри в книге Л. Ф. Ершова, Советская сатирическая проза 20-х годов, стр. 197—236.

⁴² ЦГАЛИ, фонд И. Ильфа и Евг. Петрова, 1821, оп. 1, ед. хр. 43, л. 22.

⁴³ «Чудак», 1928, № 1, стр. 12.

⁴⁴ «Чудак», 1929, № 15, стр. 9.

⁴⁵ В. Маяковский, Полное собрание сочинений, Госиздат, М., 1958, стр. 215—216.

Ленинграда и выявил тех врагов, которые орудуют тихой сапой. Идейный смысл повести в призыве: «Выживайте из-за печи этих тараканов, ибо они отравляют наш хлеб! Давите ногой этих мокриц!»⁴⁶ Действие в «Чудасии» движется благодаря путешествию Мефистофеля (Мефистофель в Облсуде, в Академии, в Отделе просвещения).

Герой цикла рассказов Е. Зозули «Проверка знакомых» навещает своих знакомых, и перед читателем возникает целая галерея типов. Показывая их в серии поступков, автор раскрывает психологию этих «людишек». Вот человек со «зменным чутьем насчет ваших дел». «Если он вас не замечает — значит, кончено. Гроб. Вы ничего не стоите. Не котируетесь сейчас»⁴⁷. А вот «добряк», к которому пришла старушка: муж ее болен, трое детей, ее сократили. Он не откажет ей в просьбе, когда она попросит помочь дровами. Он пошлет ее на склад, заводомо зная, что там она дров не получит. Почему же он так поступает? «Добряк» сам объяснит: «Дрова? Пожалуйста! Получайте на складе. Там ей не дают, конечно, никаких дров. Почему, вдруг, ей станут давать дрова? Но она уже считает, что они сволочи, а не я»⁴⁸. Сатирическим сарказмом пронизаны все рассказы этого цикла. Е. Зозуля зорко улавливает сущность и психологию своих героев. Подробности быта меньше интересуют автора. А если он обращается к «предметному миру», то только для того, чтобы ярче раскрыть внутреннее содержание человеческой природы. Для цикла рассказов «Проверка знакомых», как и для всего творчества Е. Зозули, характерен предельный лаконизм.

Если повести, рассказы, новеллы, печатавшиеся вне отделов, преимущественно разоблачали бюрократизм, мещанство, беспринципность, взяточничество, подхалимство и другие пороки, то отделы «Чудака» имели целевое назначение. Выше мы уже говорили, что ни один из сатирических журналов не имел такого количества специальных отделов, посвященных вопросам литературы и искусства, и не уделял столько внимания этим проблемам. В этих отделах довольно отчетливо проявилось лицо журнала.

«Деньги обратно!» — отдел театрального фельетона. Руководил отделом В. Е. Ардов. Печатались в нем Иван Дитя (псевдоним В. Е. Ардова); Дон Бузилио (псевдоним И. Ильфа и Е. Петрова), Иностранец Федоров (Е. Петров). Открывался отдел декларацией под названием «Изымем из обращения»: «Банкноты и казначейские билеты, истрепавшиеся от долгого употребления, изымаются из обращения Госбанком. Этот мудрый обычай мы усваиваем себе в отношении истрепавшихся и изношенных приемов и форм в искусстве театра, кино и других зрелищ. Отныне мы будем изымать из обращения все истрепанное в искусстве — посредством опубликования в «Чудаке». Изъятие наше носит окончательный характер и обжалованию не подлежит»⁴⁹.

В отделе печатались юмористические рецензии на спектакли, концерты, кинофильмы, отчеты о юбилеях артистов. И. Дитя, И. Ильф и Е. Петров, Иностранец Федоров (Е. Петров) использовали различные жанры и формы, и всегда преподносили материал живо, красочно и ярко. Фельетоны, рассказы, рецензии, репортажи, обзоры, советы, ответы на вопросы, отчеты и заметки — таков перечень основных жанров этого отдела.

Любопытную форму спортивного репортажа избрал Ив. Дитя для рецензии на спектакль «Клоп», поставленный в театре Мейерхольда.

⁴⁶ «Чудак», 1929, № 33, стр. 6.

⁴⁷ «Чудак», 1929, № 43, стр. 10.

⁴⁸ «Чудак», 1929, № 44, стр. 3.

⁴⁹ «Чудак», 1929, № 5, стр. 14.

Репортаж носит название «Схватка чемпионов». Автор, пользуясь «спортивным лексиконом», описывает встречу «чемпиона поэзии с чемпионом режиссуры»: «Соревнование, начатое ровно в половине восьмого по удару гонга, сразу дало известный перевес режиссеру, который богато организованным шумом и назойливой расстановкой действующих лиц совсем заглушил первые остроты автора. Однако, к концу эпизода поэтяжеловес, сильным драматургическим приемом очистив сцену от эпизодических лиц, обеспечил преимущество своему тексту». В таком, до конца выдержанном стиле репортажа, идет описание схватки. «В итоге матч не оправдал возлагаемых на него надежд. И постановщик, и автор явно не в форме»⁵⁰...

Отечественному балету Ив. Дитя предлагает свое либретто «Спящий трактор». (Глубоко актуальное, созвучное, идеологически выдержанное, увязанное и согласованное с современностью либретто.) («Чудак», 1929, № 13).

В одном из театральных и кинообзоров под названием «Теokino-пятителка» В. Ардов вначале ставит вопрос: «Что будет через пять лет в театре и кино?» Ответы на этот вопрос составляют содержание обзора. Они остроумны, всегда с подтекстом. «Межрабпомфильм, углубляя взятую им линию, выпустит грандиозный боевик под названием «Да! Бокал разбит» — ответ на романс «Разбей бокал»⁵¹.

Иногда В. Ардов прибегает к форме рецепта, дает совет, как сделать идеологически выдержанный фильм — «Об одном кинорецепте» («Чудак», 1929, № 19).

В фельетоне «Не надо слов, не надо продолжать» («Чудак», № 6, стр. 14), используя строчку модного цыганского романса и в заглавии и в концовке, автор зло высмеивает дешевые цыганские романсы, исполняющиеся с эстрады. Едкая ирония звучит в словах: «Рояль рыдает, соболезнуя грестям любви».

Большой интерес представляют фельетоны и рассказы И. Ильфа и Е. Петрова. Они являются как бы прологом к большому разговору о литературе и искусстве, который в дальнейшем поведут сатирики на страницах «Литературной газеты» и «Правды». Некоторые из этих рассказов и фельетонов написаны порознь, и они дают возможность убедиться, насколько обогатило Ильфа и Петрова их творческое содружество. Вспомним фельетон И. Ильфа «Источник веселья». По своему содержанию он является предтечей «Веселящейся единицы», созданной Ильфом и Петровым в 1932 году. Если в фельетоне «Веселящаяся единица» «человеко-гуляющая единица должна не гулять, а проводить огромную прогулочную работу», то в рассказе «Источник веселья» нет еще «человеко-гуляющей единицы», а просто московский житель, переступивший порог парка Культуры и Отдыха, но и его уже встречает человек с плакатом на шесте: «Стой! Здесь сейчас будет происходить занятная беседа!» Появляется доктор и начинает лекцию-беседу о глистах у детей. «Граждане опасливо обходят доктора. Они спешат к источникам веселья»⁵². Они становятся в очередь у подножья «Чертовой Комнаты» или, как ее теперь называли, «Тайнственной Комнаты», которую в «Веселящейся единице» уничтожили, как «беспринципный аттракцион». В фельетоне «Источник веселья» парк еще не превращен «в кузницу выполнения решений съезда профсоюзов», там можно еще посмеяться в «Комнате Смеха», но уже здесь «граждане обязательно натываются на человека, «ораторствующего среди урн для окурков».

⁵⁰ «Чудак», 1929, № 10, стр. 14.

⁵¹ «Чудак», 1929, № 15, стр. 14.

⁵² «Чудак», 1929, № 27, стр. 11.

Фельетоны Е. Петрова часто строятся в форме диалога. Действующим лицом является сам автор, непосредственно беседующий с читателем, делящийся впечатлениями с ним или рассуждающий вслух. «Дирижер Л. Штейнберг был на высоте. Кто скажет, что он не был на высоте, пусть первый бросит в меня камень»... или «Вы знаете, что С. Городецкий написал к «Мейстерзингерам» новый текст! Ей-богу! Даже в программах написано: «Новый текст С. Городецкого». А дальше автор делится своими впечатлениями: «Текста, правда, ни один человек в театре не расслышал, но все-таки льстило сознание, что поют не плохой, старорежимный текст, а новый, вероятно, хороший, и, вероятно, революционный»⁵³ («Нюрнбергские мастера пения»). Сколько юмора в эпитафиях: «не плохой, старорежимный, а новый, вероятно, революционный» текст!

Рецензируя постановку «Блокады» в Художественном театре, Е. Петров высмеивает, с одной стороны, тягу театра к натурализму: «Мы хотим лишь отметить, что прямо к скорпечатне подъехал большой пароход. Подъехал и остановился. Публика заплодировала. Все-таки, за свои деньги получить большой (совсем как настоящий) пароход — не шуточка»... С другой стороны, штампованные критические оценки постановок, которые появляются в печати, легко воспринимаются и повторяются зрителями:

«...Со всех сторон несетя конспиративный шопот:

— Как вы думаете, — шаг вперед или шаг назад?

— Керженцев же написал, что шаг вперед!

— Обождите, что еще Осинский напишет!

— Наверно напишет, что шаг назад. Он всегда так. Подождет пока напишет Керженцев, а потом шаги наоборот и поставит»⁵⁴. В конце фельетона дается таблица «шагов вперед и назад». Борьбе против штампов театральных рецензентов посвящен также фельетон «Непогрешимая формула» («Чудак», 1929, № 23).

Халтурщикам всех мастей доставалось от иностранца Федорова и от Дон Бузилио, которые были непримиримыми врагами пошлых буржуазных, нэпманских вкусов. В фельетонах И. Ильфа и Е. Петрова подвергались критике поставщики халтуры на эстраду («Полупетуховащина»). Для того, чтобы оздоровить советскую эстраду, собрали «сверхобщее» собрание, которое приняло нужные меры. Если Полупетухова наводнял рынок романсами типа: «Пылали домны в день ненастья, а ты уехала в ландо», то после перестройки романс будет звучать так: «Ты из ландо смотрела влево, где высилось строительство гидро»⁵⁵.

Дон Бузилио пишет о «киноправедниках, киномучениках, кинострастотерпцах», не представляющих, о чем можно создать фильм, когда «порнографии нет, фокстрота нет и разлагающейся Европы, мистики тоже нельзя» («Праведники и мученики»)⁵⁶; о драматургах различных мастей: драматургах, решивших писать только потому, что нужно поправить свои материальные дела; драматургах, перелицовывающих романы, повести, стихи, фельетоны и даже газетные объявления; и драматургах, пьесы которых ждут восемь театров, а он (автор) убегает в девятый, отдает свою трагедию для постановки «в плане монументального показа живого человека с выпячиванием психологии второстепенных действующих лиц»⁵⁷ («Великий лагерь драматургов»). Слова: «в плане

⁵³ «Чудак», 1929, № 7, стр. 13.

⁵⁴ «Чудак», 1929, № 11, стр. 12.

⁵⁵ «Чудак», 1929, № 50, стр. 10.

⁵⁶ «Чудак», 1929, № 45, стр. 11.

⁵⁷ «Чудак», 1929, № 44, стр. 6.

показа живого человека» возвращают нас к рапповскому лозунгу «за живого человека», над которым Дон Бузилио явно иронизирует.

Итак, поставщики халтуры, пошлости, приспособленцы в искусстве, «котиковые молодые люди», как их называют И. Ильф и Е. Петров, готовые всегда обогатить портфель театра агитдрамой, сельхозводевилем, синтетическим монтажем, предвыборной интермедией или идеологическим обзорением, высмеивались в отделе «Деньги обратно!»

В отделах **«Уголок изящной словесности»**, **«Стрельба стихами»**, **«Рычи-читай»** находили отражение литературные дела. Зло осуждает Виталий Пселдонимов (псевдоним И. Ильфа и Е. Петрова) тех литературных критиков, которые ставят перед писателями парадоксальные требования, вроде: «автор в своем романе «Жена партийца» ни единым, видите ли, словом не обмолвился о мелиоративных работах в Средней Азии. Нам не нужны такие романы»⁵⁸.

Эпиграммы отдела **«Стрельба стихами»** метко били в цель. Например:

В ВЛАДИМИРА БЛЮМА

Зарядив статьями пушку,
Блюм сатиру взял на мушку —
И, действительно, попал —
В... сатирический журнал!⁵⁹

Все ошибки, допущенные нашими издательствами, брались на прицел отделом **«Рычи-читай»**, который редактировал И. Ильф. В отделе мы читаем заметку «Постельная библия», в которой вскрывается пошлость только что изданного романа Рюрика-Ивнева («Чудак», 1929, № 18); или когда Наркомпрос в лице Главпрофобра издал «Программу испытаний для поступающих в ВУЗ'ы РСФСР», предлагая поступающим прочесть только 5 произведений советской литературы; тут же публикуется интересная заметка «Что такое «современная» литература?» («Чудак», 1929, № 33).

Под рубриками **«Слезай — приехали»**, **«Крики с мест»**, **«Сквозь розовые очки»** печатаются сатирически обработанные различные информационные сообщения, основанные на фактическом материале; они включают отрывки из документов, писем, постановлений, выступлений различных лиц. И в этих небольших отделах вопросам культурной жизни немало уделяется внимания. И здесь мы находим критические заметки о тех или иных изданиях («Чудак», № 25, № 23, № 12, № 13, № 14 и др.).

Произвол, нелепости и бюрократизм судебных органов, органов прокуратуры освещались в специальном отделе под названием **«Кассационный отдел»** «Чудака» («Тут тебе и милиция, тут тебе и юстиция») в форме сатирических сообщений с мест. Открывался отдел декларацией «При социализме никаких судов не будет — ни народных, ни окружных, ни даже верховных. В ожидании этого золотого времени «Чудак» заводит на своих многокрасочных страницах специальный кассационный отдел. «Чудак» — журнал тихий, скромный. Он боится своего начинания. Страшновато, товарищи, писать о судебных работниках, страшновато! Бестелесные они какие-то, неземные, голое правосудие. Однако, ничего не поделаешь!.. Самокритика, так самокритика! Судьи у нас, слава тебе, господи, не буржуазные — в мантии не запахиваются, идиотских колпаков не носят. Судьи у нас люди простые, и им свойственно ошибаться. Итак мы объявляем:

— Суд идет.

⁵⁸ «Чудак», 1930, № 3, стр. 46.

⁵⁹ «Чудак», 1930, № 2, стр. 18.

Можно не вставать. Читайте сидя или лежа, как вам заблагорассудится. Мы люди, лишенные ложной гордости и буржуазных предрассудков»⁶⁰.

«Пышной» комической декларацией начинает свое существование и отдел «Шевели ногами» («Чудак», 1929, № 7). Отдел «Шевели ногами» сменяется отделом «Звездный пробег Чудака». В 37-м номере мы читаем декларацию отдела под названием «Без всяких посредников!»: «Чудаку» еще нет и девяти месяцев от роду, но уже тесно ему стало в Москве, в редакционных комнатах на Страстном бульваре. У «Чудака» отличная связь с читателем... Глубже на места! И самолично, без всяких посредников! Вот новый лозунг редакции «Чудака». И без всякой волокиты он уже проведен в жизнь. Срочно, без долгих сборов и разговоров Чудаки выехали на места»⁶¹. «Звездный пробег «Чудака» использует различные формы для выуживания и высмеивания тех нелепостей и недостатков, с которыми столкнулись чудаковцы в различных городах. В отделе печатаются очерки Б. Левина, Л. Ленча, Д. Кунина и др. Кроме указанных, существуют отделы «Смотр городов», «Соревнование городов».

А. М. Горький предложил редактору «Чудака» завести отдел «Культурная жизнь Европы». Интересно, что письмо Горького получено в январе, а уже в первом февральском номере печатаются небольшие отделы: «Зоосад», «В обществе и свете», «Да здравствует Европа», в которых высмеиваются эмигранты, духовенство, буржуазные нравы (см. № 3, № 8, № 10, № 23, 1929).

Страничку юмористической смеси «Веселящий газ» вел Евг. Петров. Пляшущие и улыбающиеся крошечные фигурки оформляли наименование отдела и как бы подчеркивали легковесность его облика. И, действительно, этот отдел состоял из мелочишек, довольно остроумных, чаще без подписей автора. Формы подачи этой комической смеси широко варьировались. Здесь встречаются диалог, сценка («В музпребде», «Чудак», 1929, № 5); информация, объявление («Чудак», 1929, № 14, № 17), рассказ-миннатура («Поэт и девушка», «Чудак», 1929, № 10); пародии («Горе от радио», «Монолог современного Чацкого», «Чудак», 1929, № 7); пословицы («Пословицы, созвучные эпохе», «Чудак», 1929, № 6); рисунки с подписями («Предусмотрительно», «Чудак», 1929, № 13). Мелочишки оформлялись также в виде стихов, использовалась форма различных советов («Чудак», 1929, № 48) и т. д. Так, отдел «Веселящий газ» в «Открытом письме» советует «считать новый год по-новому, т. е. с нового хозгода, 1 октября, и с этого числа начать давать отпуска». . . «Октябрь — курьеры, ноябрь — уборщицы, декабрь — счетоводы, январь — делопроизводители младшие, март — бухгалтеры младшие, апрель — бухгалтеры, май — главбухи, июнь — секретари, июль — завканцы, август — помзавы, сентябрь — заведующие. Никто не обижен в нашем проекте! Курьеры получают отпуск в первую очередь, заведующие — тогда, когда сама крымская природа приготовила и увязала для них так называемый бархатный сезон»⁶².

В специальных номерах страничка «Веселящего газа» подчиняет все мелочишки общей теме номера («Чудак», №№ 25, 24 и др.).

Завершался каждый номер журнала фотонovelлой, состоящей из нескольких фотографий, объединенных темой, под названием «Семейный альбом». Каждая фотография сопровождалась краткой подписью, выдержанной в иронически-каламбурном духе («Чудак», 1929, №№ 16,

⁶⁰ «Чудак», 1929, № 26, стр. 10.

⁶¹ «Чудак», 1929, № 37, стр. 3.

⁶² «Чудак», 1930, № 2, стр. 21.

26, 18, 22 и др.). Например, под фотографиями Макдональда, Ллойд-Джорджа, Болдуина такие подписи: «Будучи выбран в парламент будет защищать интересы... партии. Политика Англии, конечно, от этого не изменится»; а под фотографией английского горняка — «В парламент избран не будет. И никто не защитит его интересов, пока он сам не начнет их защищать. И тогда политика Англии изменится наверняка»⁶³.

«Семейный альбом» тематически перекликался с содержанием всего номера. Он мог быть агитационным (№ 15, № 11), обличительным (№№ 19, 13, 14, 6, 25). Иногда умело отобранный неодушевленный предмет или характерная деталь портрета выражали многое («Семейный альбом», под названием «Его руки», 1929, № 23). Отдел «Семейный альбом», как и «Календарь Чудака», прекращает существование с 37-го номера 1929 г. Возобновляется он под заголовком «Говорящее фото» в 1930 году.

Мы сделали попытку охарактеризовать все отделы «Чудака», следуя тому порядку, в котором они размещались в журнале. Однако специфическое лицо «Чудака» создавали не только различные отделы, довольно полно освещающие разнообразные стороны жизни и быта, но и специальные номера.

Традиции издания специальных номеров была введена дореволюционной журналистикой. Так, в «Сатириконе», кроме сезонных — «рождественский» (1913, № 15), «пасхальный» (1913, № 15), — издавались специальные номера: «Пессимистический» («Сатирикон», 1913, № 10), «Специальный номер Иван Иванович Иванов» (1913, № 34), «Студенческий» (1913, № 37) и др. Сами названия достаточно отчетливо передают их содержание. Социальная тематика именно в этих номерах была особенно ослаблена.

Традицию издания специальных номеров продолжала советская журналистика. Журналы «Бегемот», «Смехач», «Лапоть», «Крокодил», «Чудак» также выпускали специальные номера. Но если «Бегемот», «Смехач» в основном копировали сатириконцев, что отражается даже в названиях («Специальный нотный номер «Бегемота» (1927, № 11) или «Специальный модный номер «Смехача» (1927, № 28)), то «Крокодил» и «Чудак» радикально изменили эту традицию.

Интересно сравнить Чеховский номер «Чудака» (1929, № 25) и Пушкинский номер «Бегемота» (1927, № 7). Чеховский номер «Чудака» выходил за пределы чисто литературно-критического, легковесно-пародийного подхода и нацеливал на глубокое, вдумчивое изучение наследия великого юмориста в свете актуальных социальных проблем жизни; Пушкинский номер «Бегемота» как раз следовал худшим традициям дореволюционной юмористики, забавляясь бессодержательным пародированием и банальными рассказами, опшляющими тему (например, «Пушкин и валенки» Игн. Ломакина).

Практика издания специальных номеров в «Крокодиле» и «Чудаке» отражала коренные сдвиги всей нашей сатирико-юмористической прессы. В поле зрения этих номеров попадали важнейшие вопросы внутренней и международной жизни. Их задумывали как единое комплексное произведение. «11-тилетие Красной Армии», «10-тилетие Коминтерна», «Пятилетка», «20-тилетний юбилей ГИЗ'а», «Специальный номер», «Империалистическая война», «Церковный номер», «Культура и быт» — таков далеко не полный перечень специальных номеров журнала «Чудак».

Специальный номер «Звездный пробег Чудака» открывается фельетоном М. Кольцова «О семи чудесах города Рязани». Автор перечисляет

⁶³ «Чудак», 1929, № 16, стр. 15.

достопримечательности в количестве «семи штук»: 1) соборы, 2) финотдел, 3) кафе на Почтовой улице, 4) товарищ Вайнштейн, 5) блохи в Доме Крестьянина, 6) губернский, ныне окружной, комитет комсомола, 7) пословицы и поговорки⁶⁴.

Каждое из «чудес» детально освещается. Мы знакомимся с жизнью ряда учреждений города. Узнаем об отношении губернского музейного отдела к подлинным памятникам старины, о безобразиях в финотделе, о зажиме самокритики в комитете комсомола. Заканчивается фельетон пословицами и поговорками г. Рязани, каждая из них «отмечена соответствующей рязанской достопримечательностью».

Совсем в ином ключе написан очерк И. Ильфа и Е. Петрова «Ярославль перед штурмом». Писатели начинают с описания Ярославля; оно выдержано в нарочито величаво-замедленном темпе. Неторопливо, постепенно, в отличие от динамического изображения Рязани М. Кольцовым, описывается город, его бульвар, главная улица — Линия Социализма, «старинные и нестаринные, красивые и уродливые, большие и малые» церкви. Только после такого знакомства с городом мы узнаем, что не эти описания определяют лицо Ярославля. «Самый город Ярославль помещается не в Ярославле», а по соседству, т. е. там, где находится текстильная фабрика «Красный Перекоп», где меньше «портфеленосцев», но есть клуб, кино, стадион. В отличие от М. Кольцова, который прибегает к помощи ассоциации отдельных аналогий, авторы этого очерка используют прямые сравнения: «Город похож на пучек редиски», «красные колонноподобные фабричные трубы», трамвай назван «завоеванием человеческого гения».

Иной характер сатирического очерка Е. Зозули. В очерке «Старое и новое в Калуге» сочетается строгая фактичность репортажа с лирикой высоких мечтаний о том, какой бы хотелось автору видеть Калугу.

Путевые заметки Д. Кунина («Дни и ночи в Туле»), бр. Тур («Тверь на уровне»), Б. Левина («Смоляне»), сатирическое стихотворение В. Катаева «Город в русском вкусе» (об Арзамасе), каждая мелочишка, фотоновелла «Научная панорама Нижнего Новгорода», иллюстрации К. Ротова, Б. Ефимова расширяют географию «Звездного пробега Чудака».

Специальные номера «Чудака» посвящались вопросам политики, разоблачали мещанство и обывательщину в быту. Врагов различных мастей — внутренних и внешних, притаившихся и откровенных — бичует специальный номер «Рано пташечка запела». «Пташки бывают разные, — писал М. Кольцов, — заграничные, религиозные, городские, деревенские»⁶⁵ («О пташке»).

«Заграничные пташки» предстают в коротких рассказах Г. Рыклина под названием «Насчет двенадцатого часа». Вот они: Милюков, празднующий свой 17-тилетний юбилей; отошавший орловский помещик, предлагающий моске купить его родовое имение, а француз все понял и дарит помещику франк; эмигранты, которые в неистовстве кричат: «Я — царь российский, помещик курский, фабрикант московский, исправник бобруйский, содержатель дома терпимости псковский, объявляю, что большевики гибнут»⁶⁶.

А как ведут себя отечественные пташки? «Двойная жизнь Портищева» Ф. Толстоевского (одна из новелл повести «1001 день или новая Шахерзада») отвечала на этот вопрос. С 1923 года Елисей Портищев

⁶⁴ «Чудак», 1929, № 37, стр. 2.

⁶⁵ «Чудак», 1929, № 14, стр. 2.

⁶⁶ «Чудак», 1929, № 14, стр. 6.

состоит в партии. Зайдите на место работы героя в самые ранние часы. Он уже здесь. Заседание ячейки. И сюда он придет раньше всех. Он тщательно следит за всеми директивами, а его мнение «с поразительной точностью совпадает с мнением вышестоящих товарищей». Но это один Портищев. Взгляните на него в субботу, когда он отправляется к себе в деревню. «Чинное, железопартийное выражение разом слетало с его лица, и самая его толстовочка приобретала неуловимо вольный и обывательский оттенок»⁶⁷. В деревне он заправский кулак. Осматривает свою конюшню с шестью лошадьми, коровник, свиарню, в которой десятка два «благообразных свиней», кормит птиц, а ночью обсуждает с женой планы по обогащению, говорит жене: «Эх! Если б в партию не платить, все легче было бы!..» Один-два портретных штриха — «чинное, железопартийное выражение лица»; предметные детали — «толстовка, приобретающая обывательский оттенок», «благообразные свиньи» в свиарне — создают сатирический образ Портищева. Под «толстовочной внешностью» скрывается «мещанин, собственник». В «Золотом тельняшке» черты Портищева воплотятся в образе подпольного миллионера Кореико.

Коллекция пташек предстает в стихотворном фельетоне Д. Бедного «Вражьи песни», в котором поэт призывает:

«...Покамест, однажды, мы пташечке этой
Голову не отвернем
И не скажем в суровом прощальном декрете:
— Пой... на том уже свете!
А тут твоя песня уже спета. Аминь! Сгинь!»⁶⁸

В рисунках К. Ротова «Живучие пташки», В. Козлинского «Неясная деталь» (интервью в 1929 году), Б. Ефимова «Баррикады 1929 г.» изображены пташки, строящие фантастические планы о реставрации.

Весь номер живописует яркий образ пташки, принимающей различный облик, но мечтающей об одном: о гибели власти Советов. Название специального номера — «Рано пташечка запела» — является только первой частью поговорки. Вторая часть остается как бы за занавесом. Звучит она предостерегающе.

«Слухи... Сплетни... Клевета...», т. е. мещанство и обывательщина, враг опасный и злой, составляют содержание еще одного специального номера («Чудак», 1929, № 3). Начинается он с фельетона М. Кольцова «Читать шопотом». Тематически примыкает к нему рассказ В. Катаева «Внутренняя секреция», в котором писатель зло высмеивает тех, кто, по образному выражению Маяковского, смотрят «в чужие дела и постели».

В номере помещаются две новых рубрики: «Биржа сплетников», «Сплетни домашние».

Новелла Ф. Толстоевского «Васисаулий Лоханкин» (из «Необыкновенных историй из жизни города Колоколамска») высмеивает глупость, косность, невежество, обывательскую пошлость тех, кто живет слухами. Васисаулий Лоханкин распустил слух, что все реки вышли из берегов, а «впечатлительный гражданин Пферд из дома № 17 значительно развил сообщение Лоханкина». Иронией пронизано каждое дальнейшее сообщение: «Колоколамцы были жизнелюбивы и не хотели гибнуть во цвете лет», или: «Три дня и три ночи просидели отборные колоколамцы в ковчеге, скудно питались, помалкивали и с тревогой ждали грядущего»⁶⁹,

⁶⁷ «Чудак», 1929, № 14, стр. 12—13.

⁶⁸ «Чудак», 1929, № 14, стр. 6.

⁶⁹ «Чудак», 1929, № 3, стр. 11.

пока не получили записку, привязанную к ножке ими же выпущенной вороны. «Вылезайте, дураки». Увидев сияющее солнце, «отборные колоколамцы начали искать виновного в распространении слуха о потопе. Счеты с автором потопа граждане сводили до поздней ночи».

Дружеские шаржи Вл. Маяковского под заголовком «Говорят...» (Рисунки неизвестного художника.) направлены против тех, «кто говорит шопотом». Под карикатурой на самого себя Маяковский пишет: «Говорят — из-за границы домой попав, после долгих вольтов, Маяковский дома поймал «Клопа» и отнес в театр Майерхольда»⁷⁰.

Все отделы, фельетоны, рассказы, мелочишки номера взаимно дополняли друг друга и наносили серьезный удар по мешанству с его любовью к «сплетням... слухам... клевете...»

Журнал «Чудак» иллюстрировался группой талантливых советских художников. Художественная манера карикатуристов была различной. Здесь и бойкий нарочито-небрежный рисунок пером, линейный, контурный рисунок, штриховой карандашный рисунок с частичной раскраской, карикатурный портрет, «очерки карандашом» и др. У каждого крупного карикатуриста была своя любимая тема, свои приемы.

Международная тема в самых различных аспектах привлекала Б. Ефимова — «политического сатирика», как его называют. Он почти не прибегал к эпиграфам, выпискам из газет. Его сатира бьет по крупному, социальноопасному объекту. Он разгруппировывает, разоблачает врага.

На рисунке изображен капиталист. На его лице изумление. Крупный хищник, по образному определению художника — «хладнокровная акула» цинично заявляет рабочим: «Наивные люди! Откуда я возьму хлеба? Ведь я ничем, кроме металла, не торгую»⁷¹.

Б. Ефимов в 1929 г. был свидетелем «уникального зрелища»: торжественного выхода папы Пия XI из добровольного заключения, который свершился в результате подписания договора между Ватиканом и правительством Муссолини. Художник пишет: «Я хорошо разглядел тучного старика в очках, с хищным ястребиным носом, и это очень мне пригodiлось»...⁷² А в другом месте карикатурист сообщает: «...Я внимательно рассматривал эту живую сатирическую «натуру»⁷³ (речь идет о Муссолини). В журнале «Чудак» появился рисунок Б. Ефимова под заголовком «Карьера одного социалиста»: Муссолини сидит в высоком кресле, обитом красным плюшем, на его колене крошечная фигурка папы. Подлость, лицемерие, звериная хитрость характеризуют этот союз католического отца и фашиста. Рисунок выполнен в 3-х красках: черная, зеленая, красная («Чудак», 1929, № 7).

На тему международной жизни Б. Ефимов печатает в «Чудаке» множество рисунков: «Высадка белых из Манчжурии» (1930, № 2); «В Германии» (1930, №1); «К бракосочетанию итальянского принца» (1930, № 3); «Тайная вечеря в Женеве — по картине Леонардо-да-Винчи» (1929, № 24) и т. д.

Внутренние враги — кулаки, бюрократы, частники, мещане — входят также в лице карикатуриста своего разоблачителя. Вот вооруженные кулаки, забаррикадовавшие себя мешками с хлебом, который они не желают продать Советскому Государству («Баррикады 1929 г.», «Чудак», 1929, № 14, стр. 4). А вот «Дефективный депутат (в разрезе)» —

⁷⁰ «Чудак», 1929, № 8, стр. 6.

⁷¹ «Чудак», 1930, № 4, стр. 60.

⁷² Б. Ефимов, 40 лет. Записки художника-сатирика, Советский художник, М., 1961, стр. 144.

⁷³ Там же, стр. 145.

бюрократ, глаза которого не замечают разрушенных окраин, рот которого раскрывается только для приветствий, руки которого никогда не поднимаются против начальства⁷⁴ — изображенный в манере наглядного пособия, помещаемого обычно в учебниках зоологии или анатомии. Остроумные подписи удачно гармонируют с рисунками.

Работая в «Чудаке», Кукрыниксы неоднократно обращались к литературным темам («Писатели у С. И. Сырцова»), бичевали подхалимов, тунеядцев, бюрократов, показывая всю их внутреннюю неприглядность («Из области животноводства»). В отличие от Б. Ефимова, тяготеющего к лаконично-обобщенной манере, Кукрыниксы на раннем этапе любили подробную детализацию. Вещи в произведениях художников оживают. Карикатура «В студенческом общежитии» изображает быт во всей его конкретной наглядности: комната, заваленная вещами, множество людей, отовсюду торчат ноги спящих. Подпись гласит: «Читаешь и не веришь! Диоген — то в целой бочке один жил!»⁷⁵ Кукрыниксы всегда придавали большое значение подписи, используя в них народные пословицы, тексты из песен, перефразировки, каламбуры. К примеру приведем подпись к рисунку «Из области животноводства». Посетители: «Этот бюрократ обращается с посетителями, как со скотом!» Скоты: «Этот бюрократ обращается со скотом, как с посетителями»⁷⁶.

Рисунок-шутку любил художник «Чудака» — изобретательный, великолепно владеющий комической деталью — К. Ротов. В специальном «Чеховском номере»⁷⁷ изображен проект памятника, который карикатурист рекомендует поставить перед зданием МХАТ'а. Автор высмеивает скульптурные излишества. Однако добродушная улыбка К. Ротова превращается в саркастическую, когда художник разоблачает американскую цивилизацию («Американское процветание»⁷⁸), врагов Страны Советов («Слова, которые не расходятся с делом»⁷⁹). Достается мешанам, бюрократам, перерожденцам. Таковы рисунки: «В полной безопасности»⁸⁰, «Судьба одного партийца»⁸¹. К. Ротов иллюстрирует «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» Ф. Толстовского, фельетоны и рассказы различных авторов. В отличие от Б. Ефимова, К. Ротов насыщает рисунок богатством смешных подробностей. Художник часто прибегает к композиции из нескольких рисунков, последовательно развертывающих сюжет. Его рисунки — это «Очерки карандашом».

Оформляя титульный лист журнала, художники-карикатуристы иногда обращались к бессмертным сатирическим героям классической литературы. Специальный номер «Слухи... Сплетни... Клевета...»⁸² открывается рисунком К. Ротова, на котором Бобчинский, наклонив ухо к одной из башен Кремля, норовит что-нибудь услышать.

Титульный лист 7-го номера «Чудака» оформлен рисунком А. Радакова, изображающим венок со вплетенными головками грибоедовских героев (до сих пор еще живых цветов, которые кое-где даже слишком распустились).

С 44-го номера в журнале появляется отдел «В гостях у Чудака». В нем печатаются рисунки художников разных городов. Помимо этого

⁷⁴ «Чудак», 1929, № 6, стр. 5.

⁷⁵ «Чудак», 1929, № 47, стр. 4.

⁷⁶ «Чудак», 1930, № 2, стр. 26.

⁷⁷ «Чудак», 1929, № 25, стр. 9.

⁷⁸ «Чудак», 1930, № 3, стр. 48.

⁷⁹ «Чудак», 1930, № 5, стр. 73.

⁸⁰ «Чудак», 1930, № 2, стр. 27.

⁸¹ «Чудак», 1929, № 10, стр. 8—9.

⁸² «Чудак», 1929, № 3, стр. 1.

существует отдел «Картинная галерея Чудака» (1930 г., № 2), в котором помещались картины русских художников с соответствующими ироническими подписями. Например: к картине И. Левитана «Весна» подпись: «Ни следа подготовки к посевной кампании»⁸³. Журнал «Чудак» печатал много иллюстративного материала и, в частности, фото. Они преимущественно помещались на последних страницах, в отделах «Семейный альбом» или «Говорящее фото». Графический материал в «Чудаке» гармонически сливается со словесным.

Конечно, в журнале имелись и недостатки. Иногда в журнале печатались просто забавные истории, слабые рисунки и карикатуры, не имеющие серьезного общественного значения (А. Зорич «Трудный случай» («Чудак», 1929, № 16); Ф. Толстоевский «Гибельное опровержение» (№ 47); Старик Саббакин (псевдоним В. Катаева) «Жертва спорта» (№ 33) и др.)

* *
* *

К каким же итогам мы приходим? Владимиру Ильичу Ленину принадлежит замечательный афоризм: «Без гнева писать о вредном — значит скучно писать!»⁸⁴ Журнал «Чудак» гневно писал о всех пережитках прошлого, а потому не скучно. В 1923 г. А. Безыменский в стихотворении «Баррикады смеха» писал:

«Смехом умей видеть,
Смехом умей бить,
Смехом умей любить,
Смехом умей ненавидеть».

Помещая на своих страницах произведения лучших поэтов и писателей-сатириков, журнал умел «смехом бить, любить и ненавидеть».

1. «Чудак» сыграл немалую роль в общественно-политической жизни страны. Он активно разоблачал бюрократизм, мешанство, обывательщину, цинизм, пошлость, бескультурье воспитывая в советских людях честность, преданность делу социализма и ненависть к пережиткам прошлого. Журнал оперативно откликался на все основные события времени. Пользуясь определением А. М. Горького, «Чудак» умел «освещать быт, обнажать скрытую в нем политику»⁸⁵.

2. «Чудак» постоянно вел борьбу за идейное и высокохудожественное искусство и литературу, против пошлости, халтуры, безыдейности, безграмотности, что и определило специфическое лицо журнала.

3. «Чудак» разработал целый ряд новых форм и приемов комического. Органическое единство всех художественных средств, меткость, образность, эмоциональность, тонкое мастерство, богатство приемов и средств комического поставили «Чудак» рядом с лучшими сатирико-юмористическими изданиями 20-х годов.

4. «Чудак» воспитал плеяду талантливых юмористов, которые впоследствии стали активными участниками «Крокодила».

5. Во 2-ой половине 20-х годов закрылся целый ряд однотипных сатирико-юмористических журналов («Бич», «Бегемот», «Красный перец», «Комар» и др.). «Чудак», умея подмечать характер противоречий дейст-

⁸³ «Чудак», 1930, № 2, стр. 21.

⁸⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 73.

⁸⁵ А. М. Горький, Собр. соч., Гос. изд. худож. литер., М., 1953, том 25, стр. 187.

вительности, стал жертвой этих противоречий. В 1930-м году на 6-м номере он был закрыт и, как резонно отметил Л. Ф. Ершов, «... излишне поспешно и без достаточных оснований»⁸⁶.

Шауляйский пед. институт им. К. Преякшаса
Кафедра русского языка и литературы

Представлено
в феврале 1963 г.

SATYRINIO HUMORISTINIO ŽURNALO „ČIUDAK“ ISTORIJOS KLAUSIMU

A. BARSTEIN

Re z i u m ė

Straipsnyje pateikiama trečiajame mūsų amžiaus dešimtmetyje ėjusio satyrinio humoristinio žurnalo „Čiudak“ atsiradimo ir vystymosi istorija. Šis žurnalas iki šiol dar nėra išsamiau nagrinėtas.

Straipsnyje mėginama išryškinti tiek idėjinį-tematinį, tiek ir visuomeninį-politinį žurnalo kryptingumą, jo pastangas suvokti gyvenimo prieštaravimų pobūdį, parodyti, kokį aktyvų vaidmenį jis yra vaidinęs, demaskuojant biurokratizmą, miesčioniškumą, cinizmą, obskurantizmą — visa tai, kas porevoliuciniais metais buvo paveldėta iš senojo pasaulio.

Išryškinama žurnalo specifika, parodoma, kuo „Čiudak“ skiriasi nuo kitų trečiojo dešimtmečio satyrinių humoristinių leidinių. Žurnalas nuolat kovojo dėl meno idėjiškumo ir aukšto lygio, plakdamas turinio skurdumą, trivialumą, neišprusimą, o tai tebėra aktualu ir mūsų dienomis.

Parodomas žurnalo veidas, pateikiama jo skyrių, atskirų specialių numerių analizė, apibūdinamas stambiausių žurnalo „Čiudak“ bendradarbių meninis meistriškumas. Analizuojamos ir įvairios komizmo formos ir priemonės.

Greta tematikos ir meninių priemonių analizės parodomas žurnalo vaidmuo, auklėjant ištisą plejadą talentingų humoristų, kurie vėliau tapo aktyviais „Krokodilo“ bendradarbiais.

⁸⁶ Л. Ф. Ершов, Советская сатирическая проза 20-х годов, стр. 83.